

ГОРБАТОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета,
gorbatov.rus@gmail.com

DMITRIY GORBATOV

D.Sc. (Psychology), Associate Professor,
Professor at the Department of Applied Social Psychology and Conflictology,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
Professor at the Department of Management in Mass Communications, St. Petersburg State University

УДК 316.62

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ОБСУЖДЕНИЙ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ В ИНТЕРНЕТЕ*

**THE CONTENT ANALYSIS OF DISCUSSIONS
OF FALSE RUMORS ON THE INTERNET**

АННОТАЦИЯ. В статье описываются результаты эмпирических исследований обсуждений в Интернете ложных слухов конспирологического типа. В качестве метода исследования использовался контент-анализ комментариев на площадке видеохостинга YouTube. В пилотном и основном исследованиях проверялась гипотеза о наличии определенных ролей и специфике взаимоотношений между ними, описанная коммуникативно-ролевой стратегией противодействия ложным слухам. Итоги контент-анализа свидетельствуют, что, во-первых, ключевые коммуникативные роли разрабатываемой стратегии поддаются регистрации в больших массивах данных, во-вторых, носители этих ролей вступают в предсказанные взаимоотношения в ходе дискуссии, в-третьих, изменения количественной представленности «скептиков», «сторонников» и «интерпретаторов» позволяют предположить, на каком этапе «жизненного цикла» находятся изучаемые слухи.

ABSTRACT. The article describes the results of empirical studies of discussions of false conspiracy-type rumors on the Internet. The content analysis of comments on the YouTube video hosting site was used as a research method. In the pilot and basic studies, the hypothesis about the presence of certain roles and the specifics of the relationship between them, which is described by the communicative role-playing strategy of countering false rumors, was tested. The results of content analysis show that, firstly, the key communicative roles of the strategy being developed are amenable to registration in large data sets; secondly, the carriers of these roles enter into the predicted relationships during the discussion; thirdly, changes in the quantitative representation of the «skeptics», «supporters», and «interpreters» allow us to guess at what stage of the «life cycle» the rumors are being studied.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слухи, ложные слухи, обсуждение слухов, коммуникативные роли, ролевой конфликт, противодействие ложным слухам, контент-анализ.

KEYWORDS: rumors, false rumors, discussion of rumors, communicative roles, role conflict, countering false rumors, content analysis.

К недоумению и негодованию многих петербуржцев после теракта на перегоне между станциями метро «Сенная площадь» и «Технологический институт» 3 апреля 2017 года в Интернете получили распространение слухи конспирологического толка, ставящие под сомнение факт трагедии. «Постановка», «фейк», «бездарный спектакль», «нанятые актеры» — подобными репликами обменивались

не только завсегдатаи форума *9/11 Truth Movement*, но и отдельные пользователи социальных сетей «ВКонтакте» и «Фейсбук», а также комментаторы видеоматериалов *YouTube*, посвященных свидетельствам очевидцев, монологам родственников пострадавших и даже похоронам жертв.

Значительную роль в распространении этих слухов, выплеснувшихся за пределы Интернета,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-06-00564, «Коммуникативно-ролевая стратегия противодействия ложным слухам».

сыграли некоторые видеоблогеры, поделившиеся казуистическими рассуждениями и подчас абсурдными аргументами с обширной аудиторией видеохостинговой компании YouTube. Однако видеть в их действиях некую злонамеренность и на этом основании призывать к очередным запретительным мерам представляется неуместным. В современной социальной психологии слухи рассматриваются как средство совместного осмысления проблемной ситуации [1; 9; 11]. Их предназначение состоит в том, чтобы способствовать социальной адаптации, дополнять или заменять новости официального характера, когда те несвоевременны, противоречивы, фрагментарны, субъективно недостоверны или нерелевантны имеющимся ожиданиям. В этом плане «эвристический потенциал» обладателей конспиративистского менталитета [4; 5] выступает в качестве своеобразного фасилитирующего фактора на пути к пониманию произошедшего.

Невозможно запретить ложные слухи, но вполне реально оказать им эффективное противодействие. Планирование такого рода усилий, по нашему мнению, должно начинаться с выбора одной из трех конкурирующих стратегий. Согласно первой, слухи получают распространение при сочетании определенных факторов [7]. Соответственно борьба с их влиянием предполагает изменение этих факторов, прежде всего уменьшение значимости передаваемых сведений и степени неопределенности сложившейся информационной ситуации. Вторая стратегия исходит из того, что слухи распространяются до тех пор, пока выполняют свои социальные функции [10]. Она ориентирована на прекращение реализации таких функций путем альтернативного объяснения событий, воспрепятствования попыткам развлечения посредством слухов, демонстрации их непригодности для социального объединения и т. д. В русле третьей стратегии, основывающейся на идеях Т. Шибутани [13], слухи рассматриваются как то, что не просто передается от одного индивида другому, но активно обсуждается и изменяется в ходе распространения. Борьба с их влиянием предполагает вмешательство в диалогические процессы посредством информационного воздействия на носителей коммуникативных ролей — экспрессивных «вестников», пытающихся разобраться в сути событий «интерпретаторов», выражающих противоположные мнения о правдоподобии слухов «скептиков» и «сторонников», готовых действовать под влиянием итогов обсуждения «актеров» [2]. В настоящее время появляются основания полагать, что эта стратегия имеет конкурентное преимущество, которое заключается в большей однозначности соотнесения конкретных приемов борьбы со слухами с предписанными направлениями работы.

Распространившиеся слухи, относящиеся, согласно Дж.-Б. Ренарду [12], к категории отрицающих (*denying*), а, по Д. В. Ольшанскому [3], к ряду нелепых, в силу очевидной ложности не стали «мишенью» целенаправленной и скоординированной кампании. Однако в результате действий отдельных коммуникаторов, апеллировавших к логике, здравому смыслу, императивам морали,

свидетельствам знакомых и элементам профессиональных знаний, их «жизненный цикл» через три недели постепенно стал приближаться к завершению. По терминологии коммуникативно-ролевой стратегии [2], последние в качестве «скептиков» вступили в ролевой конфликт со «сторонниками» шокирующей версии о постановочности теракта, а как «интерпретаторы» вышли за рамки сведений от видеоблогеров-«вестников», поместив оцениваемую новость в более широкий контекст релевантной информации. Вследствие множества актов обсуждений число «актеров», готовых стать новыми «вестниками», значительно убавилось. По сути, мы имеем дело с реакцией сообщества на ложные слухи, выразившейся в спонтанной кампании противодействия их возможному влиянию. Такая постановка вопроса создает предпосылки для обоснования разрабатываемой стратегии на этом массиве данных.

Целью эмпирического исследования была проверка правомерности использования коммуникативно-ролевой стратегии посредством выявления ключевых коммуникативных ролей в ситуациях спонтанно развернувшейся кампании по противодействию ложным слухам.

Объектом исследования стали комментарии посетителей интернет-ресурса *YouTube* к видеоматериалам блогеров о теракте в метро в период с 3 по 24 апреля 2017 года (более 10 тыс. реплик).

В качестве предмета исследования изучалась динамика соотношения коммуникативных ролей «интерпретатор», «скептик» и «сторонник» в обсуждениях слухов с учетом хронологии появления соответствующих комментариев.

Основная гипотеза исследования

Согласно коммуникативно-ролевой концепции, при обсуждении на интернет-ресурсе *YouTube* ложных слухов о теракте в ролевом взаимодействии коммуникаторов с течением времени произойдут следующие изменения:

- 1) уменьшится количество «интерпретаторов»;
- 2) уменьшится количество «сторонников»;
- 3) возрастет число «скептиков».

Первая конкурирующая гипотеза: в соответствии с феноменом конвергенции индивидов, описанным Ф. Олпортом [6], на всех этапах обсуждения следует ожидать количественного преобладания «сторонников» слухов о «ненастоящем» теракте над «скептиками». Последователи концепций «мирового правительства и заговора СМИ», «плоской Земли и нарисованного Солнца», а также любители эпатировать собеседников софизмами и нелепыми аргументами более чем кто-либо еще будут предпочитать комментировать те видеоролики, в которых авторская трактовка произошедшего расположится в диапазоне от вполне конспирологической до откровенно сюрреалистической.

Вторая конкурирующая гипотеза: вследствие эффекта социального влияния со стороны видеоблогеров на всех этапах обсуждения следует ожидать количественного преобладания «сторонников» слухов над «скептиками» после видеоматериалов, содержащих аргументацию версии о «постановочности» теракта, и напротив, количественного

преобладания «скептиков» над «сторонниками» после видеоматериалов, опровергающих подобную версию. В том и в другом случае проявится внушаемость комментаторов, недостаточная самостоятельность их мышления, неспособность к критической оценке предлагаемых блогерами версий.

Метод исследования — контент-анализ. Тип кодирования — латентный, предполагающий отказ от буквального восприятия текстов в пользу учета контекста и наиболее вероятных оттенков значений элементов обрабатываемого массива данных.

Математико-статистическая обработка результатов предусматривала применение Т-критерия Вилкоксона.

Методика исследования. На первом этапе работы (пилотное исследование) кодирование было ограничено совокупностью реплик, содержащих слова-маркеры «фейк» (как вариант написания — «фэйк») и «постановк (а)», которые выявлялись автоматическим поиском в файлах, сохраненных в формате PDF. Объектом кодирования выступили комментарии к 24 стримам видеоблогеров на *YouTube*, посвященным обоснованию авторской позиции в отношении факта террористического акта 3 апреля 2017 года. В качестве категорий анализа использовались «скептик», «сторонник» и «интерпретатор». Индикаторами выраженности в информационном массиве указанных категорий (единицами анализа) служили следующие характеристики: «скептик» выражает несогласие с применением видеоблогером или виртуальными собеседниками указанных слов в отношении трагедии; напротив, «сторонник» считает вполне правомерным употребление этих слов; «интерпретатор» требует объяснений и уточнений, задает вопросы, отмечает противоречия, не становясь при этом на позиции оппонентов. Реплики со словами-маркерами тех, кто отвлеклся от темы обсуждения на политические декларации, личные нападки и все то, что не имело прямого отношения к обсуждаемому событию, при анализе не учитывались. Заметим, что поведение таких коммуникаторов соответствовало «индивидуалистическим» (*individual*) ролям в концепции К. Бенна и П. Шитса [8] с характерным приоритетом персональных потребностей над достижением общей цели.

Первичная регистрация времени написания реплик производилась следующим образом: «два дня назад и позже», «от трех до шести дней назад», «неделю назад», «две недели назад», что было обусловлено спецификой маркировки комментариев видеохостинговой компанией. В дальнейшем для большей наглядности количество комментариев по всем категориям анализа было распределено по каждому дню распространения слухов путем выведения средних арифметических показателей.

На втором этапе работы (*основное исследование*) для кодирования были выбраны наиболее объемные по числу реплик обсуждения посетителями *YouTube* стримов видеоблогеров, посвященных конспирологическим трактовкам произошедшего. Период опубликования 14 таких видеоматериалов — с 3 по 15 апреля. Объектом рассмотрения стали комментарии, сделанные

по 24 апреля включительно. Для контент-анализа отбиралось по 30 реплик неповторяющихся авторов из начального и конечного этапов обсуждения. Чтобы уменьшить влияние на результаты случайных поворотов дискуссии (например, концентрации в одном месте множества личных нападок), реплики отбирались не подряд, а в два-три приема с произвольными интервалами между ними. В качестве категорий анализа использовались «скептик», «сторонник», «интерпретатор» и «прочие». Индикаторы выраженности в информационном массиве первых трех категорий (единицы анализа) соответствовали тем, которые применялись в пилотном исследовании. Однако вместо ориентации на конкретные слова-маркеры во внимание принималось отношение коммуникаторов к данным слухам в целом. В последнюю категорию анализа включались реплики, соответствующие *индивидуалистическим* ролям. Для оценки направленности и выраженности изменений количества «скептиков», «сторонников», «интерпретаторов» и «прочих» использовался Т-критерий Вилкоксона.

На третьем этапе работы (*первое дополнительное исследование*) была произведена проверка контргипотезы о выраженном влиянии феномена конвергенции на итоги соотношения «сторонников» слухов и «скептиков». Объектом кодирования стали комментарии на *YouTube* к 20 стримам видеоблогеров, одна половина которых была посвящена трагическому событию 3 апреля, а другая — проблематике неополитического характера. Количество анализировавшихся реплик было одинаковым (по 2400 шт.). При этом использовались три категории анализа, а именно: «конспирологи», «эпатажники» и «прочие».

Принадлежность коммуникаторов к первой из них определялась по идеологемам «чипизация населения», «глобальная сверхэлита», «мировой заговор», «мировое правительство», «президенты-марионетки», «Бильдербергский клуб» и подобным им. Некоторые из таких авторов были готовы к самым неожиданным параллелям, например: «площадь Сенная = сено = Синай, священная гора сионистов». В то время как другие ограничивались констатацией того, что «мировые СМИ в одной связке». Особо оговорим, что при латентном кодировании во внимание принималось не просто наличие указанной лексики, а смысл высказывания в целом. Так, высмеивания подобных воззрений не включались в категорию анализа «конспирологи», несмотря на словосочетания «электронный чип», «ритуальная кровь», «мировое масонство» и т.п. Однако выражение полного согласия с предыдущим комментатором, активно оперировавшим конспирологическими штампами, приписывалось к обсуждаемой категории, хотя в нем и не было ключевых идеологем.

Что касается индикаторов принадлежности ко второй категории анализа, то к ним относились, например, призывы «раскопать могилы, но не с целью вандализма, а для изучения ДНК», попытки обесценивания жертв как «унылой биомассы, потеря которой не так критична, как светочей науки или управленческой элиты», неуместные претензии

на иронию («Теперь станцию метро переименуют в "Театральную"»), натуралистические описания желаемой расправы с виновными и прочее. Многие зависело от контекста. В частности, комментарий «Клоуны! Ну и цирк они разводят!», написанный в адрес присутствующих на похоронах, однозначно относился к этапажным, однако такая же фраза, обращенная к оппонентам при обсуждении записи интервью очевидцев, не подлежала регистрации.

Добавим, что в качестве вероятных (но не определяющих) признаков обеих категорий анализа служили предпочтение капслока, множество восклицательных или вопросительных знаков подряд, объемные тексты без разделения на предложения. Принадлежность комментаторов к категории анализа «прочие» определялась путем исключения из общей совокупности всех тех, кто был отнесен к категориям анализа «конспирологии» и «этапажники».

В ходе этого этапа исследования определялся «удельный вес» авторов таких комментариев по отношению к «прочим» (в процентах), а также проводилось сравнение с количеством представителей категорий анализа «конспирологии» и «этапажники», зафиксированным в обсуждениях авторских видеоматериалов принципиально иной направленности. В качестве таковых были использованы десять дискуссий по проблемам экологии, ошибкам футбольных арбитров или новостям из мира искусства.

На четвертом этапе работы (*второе дополнительное исследование*) была предпринята проверка контргипотезы о существенности социального влияния видеоблогеров на соотношение «сторонников» и «скептиков». Для этого 200 комментариев, оставленных 118 лицами к трем имевшимся в нашем распоряжении разоблачениям видеоблогерами ложных слухов о теракте, были сопоставлены с равным количеством комментариев, сделанных 123 лицами к трем стримам о том же событии несомненной конспирологической направленности. Категориями анализа стали «сторонники» и «скептики». Индикаторы принадлежности к этим категориям соответствовали тем, что применялись в основном исследовании. Использование в качестве единицы счета не числа реплик, а количества комментаторов, занявших ту или иную позицию, позволило избежать влияния на результаты эффекта множественности реплик,

исходящих от одного лица. Подсчет единиц анализа и их процентного отношения к числу всех комментаторов осуществлялся отдельно для обсуждений видеоматериалов антиконспирологического и конспирологического толка.

Результаты исследования. Этап 1. При проведении пилотного исследования в материалах обсуждений 24 стримов видеоблогеров на площадке *YouTube* было выявлено 459 реплик, содержащих маркеры «фейк» («фэйк») и «постановк (а)». Из них 160 комментариев сделали «сторонники» слухов о «ненастоящем» теракте, 204 — «скептики» и 95 — «интерпретаторы». С учетом временных интервалов комментарии распределились следующим образом: 45 были оставлены более двух недель назад, 236 — от одной до двух недель, 122 — от трех до шести дней назад, 56 — от двух дней назад и позже.

На рис. 1 в усредненном виде (с условными интервалами в один день) показана хронология написания этих комментариев представителями каждой из коммуникативных ролей. Для большей наглядности изображения использованы не точки, а линии. При этом число «сторонников» обозначено сплошной одинарной чертой, количество «скептиков» — двойной чертой, а «интерпретаторов» — пунктиром. По горизонтали отмечено число дней с момента совершения теракта, по вертикали — количество комментаторов, идентифицированных как выполнявшие упомянутые коммуникативные роли.

Следует констатировать, что, судя по наличию в комментариях слов-маркеров, в «жизненном цикле» слухов прослеживается три этапа. На начальном (первые пять дней) общее количество комментариев всех категорий было относительно небольшим, при этом «сторонники» незначительно превосходили по численности «скептиков». На этапе кульминации обсуждений (ориентировочно с шестого по двенадцатый день) комментариев всех типов стало заметно больше, однако «сторонники» утратили былое преобладание над «скептиками». На этапе угасания обсуждений (с тринадцатого дня) «скептики» доминировали над «сторонниками», число же последних в итоге почти сравнялось с количеством «интерпретаторов».

Этап 2. При проведении основного исследования было установлено, что в проанализированном

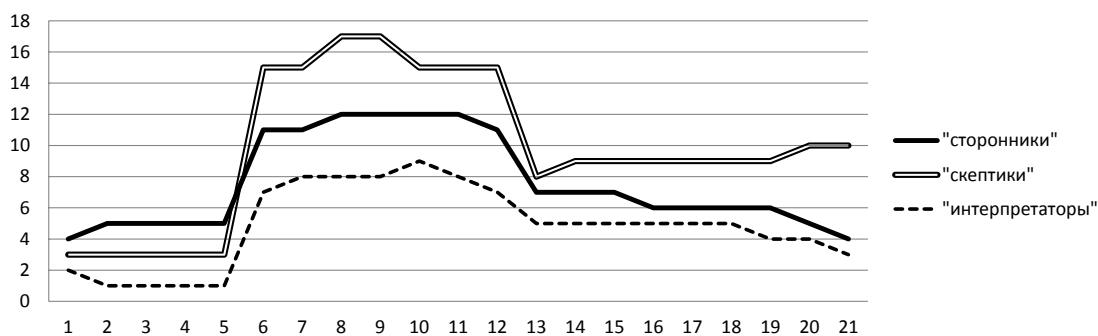

Рис. 1. Количественные изменения «сторонников», «скептиков» и «интерпретаторов» в обсуждениях слухов с течением времени

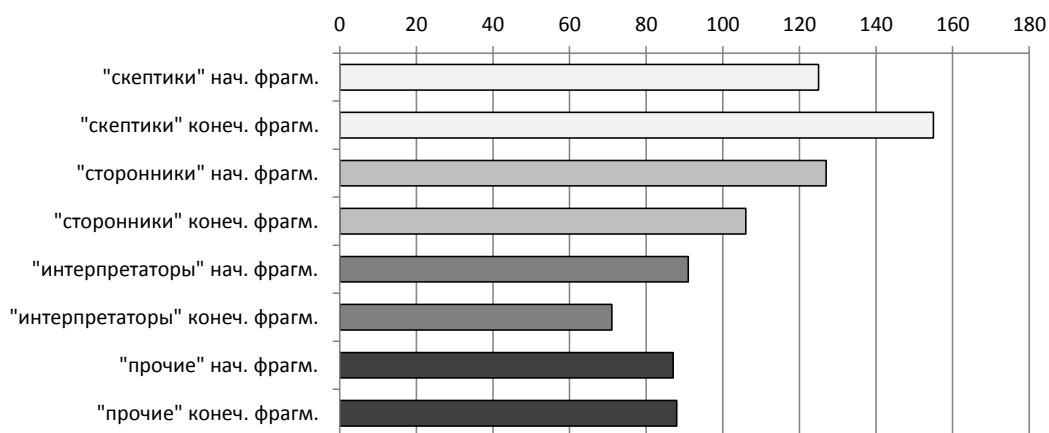

Рис. 2. Количественные изменения по основным коммуникативным ролям на начальных и конечных этапах дискуссий

объеме реплик конечных фрагментов обсуждений 14 стримов видеоблогеров о теракте по сравнению с начальными фрагментами обсуждений произошли следующие изменения: количество «скептиков» увеличилось с 125 до 155, количество «сторонников» слухов, напротив, уменьшилось с 127 до 106, «интерпретаторов» — с 91 до 71, число представителей категории анализа «прочие» почти не изменилось — 87 vs 88. В наглядном виде зафиксированные изменения представлены на рис. 2.

Оценка выраженности указанных изменений осуществлялась при помощи Т-критерия Вилкоксона. Полученное эмпирическое значение показателей (Тэмп) для «скептиков» оказалось равно 6, для «сторонников» — 16, для «интерпретаторов» — 16,5, что свидетельствует об их статистической значимости (при $p < 0,05$; $n = 14$). В отношении представителей категории анализа «прочие» надо сделать вывод о статистической недостоверности изменений ($T_{эмп} = 49$). Таким образом, основную гипотезу исследования следует считать подтвержденной.

Этап 3. Контргипотеза о выраженном влиянии феномена конвергенции индивидов на соотношение «сторонников» слухов о теракте и «скептиков» при проведении первого дополнительного исследования не получила подтверждения. Количественного преобладания «сторонников» над «скептиками» не наблюдалось. Кроме того, число тех, кто оперировал в ходе дискуссии отчетливо конспирологическими идеологемами или проявлял склонность к эпатажному коммуникативному поведению, оказалось незначительным. Так, среди 1692 авторов 2400 комментариев к видеоматериалам, отрицающим факт теракта 3 апреля, представителей категории анализа «конспирологи» было лишь 17 (1,0%), а «эпатажников» — 11 (0,65%). Для сравнения заметим, что среди 1896 авторов 2400 комментариев к видеоматериалам, посвященным проблемам экологии, ошибкам футбольных арбитров и новостям из мира искусства, представителей первой категории анализа было обнаружено 9 (0,47%), а второй — 6 (0,32%).

Этап 4. Контргипотеза о существенности влияния видеоблогеров на соотношение «сторонников»

и «скептиков» в ходе второго дополнительного исследования не нашла подтверждения. Так, среди 200 комментариев, оставленных 118 лицами к трем разоблачениям ложных слухов о теракте, «скептиков» было выявлено лишь 17 (14,4% от общего числа комментаторов), тогда как «сторонников» опровергаемых слухов — 38 (32,2%). Среди такого же количества комментариев, сделанных 123 лицами к трем видеороликам вполне конспирологического характера, «скептиков», напротив, оказалось несколько больше (26 человек (21,14%)), чем «сторонников» (21 (17,07%)).

Обсуждение результатов. Этап 1. Итоги пилотного исследования, отображенные на рис. 1, не только дают представление о приблизительном изменении количества комментаторов, являвшихся «сторонниками», «скептиками» и «интерпретаторами», но и позволяют предположить, что «жизненный цикл» описываемых ложных слухов постепенно стал приближаться к завершению. С позиций коммуникативно-ролевой стратегии резонно ожидать, что, если в Сети не появится неких экстраординарных новостей о произошедшем, то на последнем этапе существования неподтвержденной информации число «интерпретаторов», желающих разобраться в ситуации, а также «скептиков», активно оспаривающих тезис о соответствии слухов действительности, окажется сведено к минимуму. Что же касается «сторонников» неподтвержденных сведений о «постановочности» теракта, то относительно малое их количество сохранится и после полного прояснения всех деталей трагедии — такого специфика *отрицающих* слухов [12].

Комментируя полученные данные, заметим, что исследуемый материал был ограничен репликами, содержащими определенные слова. Те участники обсуждений слухов, которые обозначили свою позицию, избежав маркеров «фейк» («фэйк») и «постановк (а)», не вошли в пределы рассмотрения. Поэтому результаты пилотного исследования не могут считаться исчерпывающими.

Этап 2. Итоги контент-анализа позволяют утверждать, что в обработанном массиве данных обнаружены функциональные проявления опорных

понятий коммуникативно-ролевой концепции противодействия ложным слухам [2]. В частности, выявлены «интерпретаторы» как лица, пытающиеся разобраться в сути события и степени своей вовлеченности в его последствия, «скептики», высказавшие обоснованные сомнения в соответствии действительности конспирологических трактовок произошедшего, а также «сторонники», убежденные в правдоподобии суждений «конспирологов». В результате ролевого конфликта участников дискуссии с течением времени предсказанным образом уменьшилось количество «интерпретаторов» и «сторонников», возросло число «скептиков».

Вместе с тем следует отметить, что специфика как процессов обсуждения ложных слухов в Интернете, так и характера самого обсуждаемого события, помешала оценить выраженность коммуникативной роли «акторов», лиц, готовых к тем или иным действиям под влиянием итогов дискуссии.

Этап 3. Результаты первого дополнительно исследования свидетельствуют, что количество комментаторов, оперировавших конспирологическими штампами или допускавших провокационно-шокирующие высказывания, было несколько большим при обсуждениях видеоматериалов о теракте 3 апреля, чем в дискуссиях об экологии, футболе и искусстве. Однако этого недостаточно для утверждений о проявлении феномена конвергенции, обозначающего в нашем случае тенденцию индивидов определенного типа выбирать для обсуждений особенно значимые для них проблемы и за счет массовости своего выбора оказывать заметное воздействие на итоги дискуссии. Напомним, что среди участников обсуждения видеоматериалов, отрицающих факт теракта, представителей категории анализа «конспирологи» оказался лишь 1,0%, а «эпатажников» еще меньше — 0,65%.

Этап 4. Результаты второго дополнительно исследования, опровергающие контргипотезу о существенном влиянии видеоблогеров на соотношение в комментариях количества «сторонников» и «скептиков», заставляют задуматься

об ограниченном проявлении феномена конвергенции. Вполне возможно, что резкое увеличение количества «сторонников» слухов в комментариях к видеоматериалам антиконспирологического характера (до 32,2% от общего числа комментаторов) произошло не из-за малой эффективности разъяснительного посыла авторов видеороликов, а вследствие стремления тех, кто уже выработал прочную позицию по обсуждаемому вопросу, активно заявить об этом. Однако подчеркнем, что речь идет не о записных «конспирологах», ставших предметом предыдущего исследования (здесь таковых обнаружено лишь пять комментаторов (4,2%)), а о тех, кто принял конспирологическую интерпретацию в отношении конкретного события, не распространяя ее на проблематику высадки на Луну, взрывов башен-близнецов, заговора масонских лож и т. п.

Общие выводы. Итоги проведенного контент-анализа дают основания утверждать следующее:

1) ключевые коммуникативные роли разрабатываемой стратегии противодействия ложным слухам поддаются устойчивой регистрации в объемных массивах данных;

2) носители ролей «интерпретаторов», «скептиков» и «сторонников» вступают в предсказанные взаимоотношения в ходе дискуссии;

3) изменения количества указанных ролей позволяют предположить, на каком этапе «жизненного цикла» находятся изучаемые слухи;

4) зафиксированное число лиц со склонностью к обобщенному конспирологическому мышлению или провокационно-шокирующему поведению опровергает предположение об определяющем воздействии феномена конвергенции таких индивидов на итоги дискуссии;

5) установленное соотношение «сторонников» и «скептиков» в комментариях к материалам антиконспирологического и конспирологического характера не подтверждает предположения об определяющем влиянии видеоблогеров на итоги дискуссии вокруг очевидно ложных слухов.

1. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98–107.
2. Горбатов Д. С. Эмпирическое обоснование стратегии противодействия ложным слухам // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2016. Вып. 1, т. 25. С. 7–14.
3. Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
4. Хмелевский С. В. Проблематика, направления, эвристический потенциал современной конспирологии // Социально-политические науки. 2013. Вып. 2. С. 62–73.
5. Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 69–81.
6. Allport F. H. Social psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1924. 453 p.
7. Allport G. W., Postman L. J. The psychology of rumor. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1947. 247 p.
8. Benne K. D., Sheats P. Functional roles of group members // The Journal of Social Issues. 1948. Vol. 4, № 2. P. 42–47.
9. DiFonzo N., Bordia P. Rumor psychology: Social and organizational approaches. Washington, DC: APA, 2007. 292 p.
10. Festinger L., Cartwright D., Barber K. et al. A study of a rumor: Its origin and spread // Human Relations. 1948. № 1. P. 464–486.
11. Kimmel A. J. Rumors and rumor control: A manager's guide to understanding and combatting rumors. N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 272 p.
12. Renard J.-B. Denying rumours // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 43–58.
13. Shibutani T. Improvised news: A sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. 262 p.

References

1. Gorbatov D., Bolshakov S. Slukhi v zarubezhnoy sotsiologii i sotsialnoy psikhologii: teoreticheskiye podkhody [Rumors in international sociological and social psychology: basic theoretical approaches]. *Sociological Studies*, 2015, 7, pp. 98–108 (in Russian).
2. Gorbatov D.S. Empiricheskoye obosnovaniye strategii protivodeystviya lozhnym slukham [Empirical justification of the strategy of counteraction to false rumors]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty — Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2016, 1 (25), pp. 7–14 (in Russian).
3. Olshanskiy D. V. *Politicheskiy PR* [Political PR]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 544 p. (In Russian).
4. Khmelevskiy S. V. Problematika, napravleniya, evristicheskiy potentsial sovremennoy konspirologii [Problem areas, trends, heuristic potential of modern conpirology]. *Sociopolitical Sciences*, 2013, 2, pp. 62–73 (in Russian).
5. G. Entin. Teorii zagovorov i konspirativistskiy mentalitet [Conspiracy theories and conspiratorial mentality]. *Modern and Current History Journal*, 2000, 1, pp. 69–81 (in Russian).
6. Allport F. H. *Social Psychology*. Boston: Houghton Mifflin, 1924. 453 p.
7. Allport G. W., Postman L. J. *The Psychology of Rumor*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1947. 247 p.
8. Benne K. D., Sheats P. Functional Roles of Group Members. *The Journal of Social Issues*, 1948, 2 (4), pp. 42–47.
9. DiFonzo N., Bordia P. *Rumor Psychology: Social and Organizational Approaches*. Washington, DC: APA, 2007. 292 p.
10. Festinger L., Cartwright D., Barber K., et al. A Study of a Rumor: Its Origin and Spread. *Human Relations*. 1948, 1, pp. 464–486.
11. Kimmel A. J. *Rumors and Rumor Control: A Manager's Guide to Understanding and Combatting Rumors*. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 272 p.
12. Renard J.-B. Denying Rumors. *Diogenes*, 2007, 213, pp. 43–58.
13. Shibutani T. *Improvised News: A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. 262 p.